

Зов Города

Город имел голос. Город обладал волей. Он жил. Этот богом проклятый, дьяволом забытый Город. Но не всякому дано было слышать его яростный крик, его сдавленный шёпот. И только дети, рождённые и выросшие среди мусора, грязи, алкоголя, разврата и насилия, царивших на окраинах, умели слушать Город. Он звал, и они внимали. Он требовал, и они, держа в руках куски арматуры и ножи, бросались в бой. В бой с такими же. С себе подобными. А Город наблюдал. Городу было не всё равно. Ему было интересно. Кто станет волком? Кто умрёт щенком? Город звал. Город звал снова...

Щенки самой грязной окраины Города, глухой осенней ночью жались к трубам теплоэлектростанции. Они силились согреться. Сразу после охоты. Хоть немного отдохнуть. Дома их не ждали родители. На многих из них родители махнули рукой. Иных же – просто проклинали. Щенки беспокоились. Кто-то из них пил. Кто-то бранился.

И выделялись лишь двое. Один – высокий, черноволосый и черноглазый. Он походил на юного ястреба. Был порывистым и тонким. В нём проглядывала властность. Сквозь него пробивался блеск силы. А второй... Второй был невысоким, нескладным, и обладал небесно-голубыми глазами. Волосы его были светлыми. Тонкими, почти светящимися, как паутина в утренних лучах.

– Они вернутся, – горестно сообщил друзьям светловолосый, перевязывая товарищу ножевую рану.

Пациент в его руках шипел, но не бранился и не брыкался. Слои ткани, некогда бывшие рукавом рубашки светловолосого, ровно ложились поверх раны.

– Да брось, Дирижёр! Не вернутся они! Эти – так точно не вернутся. Крепко мы им наподдали! Да, ребят!? – задорно спросил черноволосый.

Толпа поддержала его радостным улюлюканьем.

– Чердак, нормально? Не туго затянул? – с заботой и тревогой спросил раненного товарища тот, кого называли Дирижёр. Впрочем, у него было много прозвищ.

– Пасиба, братуха... Ничё так... Намана... Ты прям дохтур, йопта! – Чердак оскалился, извернулся, и похлопал Дирижёра по плечу здоровой рукой.

– Так, Скорп. Кого тут ещё латать? Чердак в норме... Ещё пострадавшие?

– Не-не, порядок у всех. Я пять минут назад обходил. Синяки, ссадины. Может пару вывихов. Ничего военного. Ты и так много всего делаешь. Сейчас ты пока не нужен. Отдохни, – черноволосый широко улыбнулся Дирижёру.

– Ладно, ребята... я отползу в сторону. Чуть что кому нужно – зовите.

– Не вопрос. Ещё раз пасиба, Дир. Мы бы без тебя вообще пропали, йопта! Молодцом, пацанчик! Молодцом! – Чердак кивнул в знак почтения.

И Дирижёр покинул расположение своего маленького отряда. Оставил израненных, избитых мальчишек, возрастом от четырнадцати до семнадцати лет. Самому же Дирижёру было пятнадцать. Они остались за спиной. Воины грязных дворов, стоящие на страже тишины и покоя улиц, где ночью не горят фонари. Злобные, бритые выродки были

отброшены щенками. Бритые выродки проиграли в этом бою. Но Дирижёр боялся, что они вернутся. Он вообще много и часто боялся. Тем и жил.

Вдали, где остался вожак их стаи, Скорп, звучали тихие разговоры, перемежающиеся усталой бранью. Там потрескивало два костра. И в небо тянулись сизые столбики сигаретного дыма.

– Дир! Ну что ты тут? Сильно пострадал? Скины ублюдки...

– А... Скорп... Да в норме я... Нос разбит вроде, и рёбра болят. Я был чертовски плох сегодня.

– Учитывая, что против тебя оказался дыбилоид в два твоих роста, и с габаритами шкафа-купе, ты отлично справился.

– Ну да... Заставил его бить себя пока вы не подошли, и не завалили быдлана втроём.

– Быдлан, Дир... Правильное слово. А ведь и мы тоже... Быдланы. Не считаешь? – Скорп вскинул голову вверх, где в разрывах облаков показалась полная, будто кровью облитая луна.

– Да ну, наврядли. У нас мечта есть. У всех нас мечта. Твоя мечта. Помнишь её?

– Ещё бы. Я хотел... Да и сейчас хочу, чтоб было тут тихо и спокойно. А-то, понимаешь, шастает всякое отродье, к девчонкам пристаёт. Парней местных чмырит... а что мы, не район? Вон у Алексеевских всё пучком. На ХТЗ ни одна крыса не сунется. Боятся. А мы вечно. Как передовая. Мы и центр. Но с центром ясно всё. Там уже давно не поймёшь, кто где тусит, и чьи где владения.

– Луна... Луна сегодня красивая, Скорп. А по делу... Немышлянские тоже рано или поздно к нам сунутся. Вон косятся как нехорошо. Только найдут повод. Хоть бы дали недельку. Ребята вымотались сегодня. Все на взводе.

– Слушай, Дир... а что тебя грызёт-то? Вижу ведь, что беспокойно тебе. И Чердак говорит: «Иди дохтура глянь, ваще он плохой. Мот приболел чучкаря?».

– Да нет, нормально всё... Слушай Скорп... я глупый совсем, да?

– Брось. Поумнее многих. Так что с тобой? Говори? Или мы не друзья?

– Я вот думаю... А когда это кончится? Хотел бы верить, мол, двадцатник, и всё. И цивильно, тихо. Без разборок. И не верится. А кажется, вот разменяем двадцать – и всё только усугубится. И вечно так.

– Вечно? – Скорп хитро улыбнулся. – Дай краба, Дир!

Дирижёр протянул руку. И друзья обменялись долгим, крепким, почтительным рукопожатием. Скорп сильнее сжал пальцы. Суставы Дира хрустнули, но его лицо оставалось серым, недвижимым.

– Дир! Смотри! Смотри внимательно! Что ты видишь? Что видишь твою налево!? – зло прошипел Скорп.

– Кровь вижу. По локоть. У обоих, – сквозь зубы процедил Дирижёр.

– Верно. Кровь. И брось свои сопливые мысли. Этой крови ещё будет много. И до двадцати, и после! Пропавшие мы, смекаешь? Пропавшие нафиг! Хочешь тишины? Хочешь покоя да? Так вот, НЕ БУДЕТ!!! Тишина и покой – это для богатеньких где-нибудь в Европе. А тут тебе не Европа...

– А что тут? Что?!

– Тут пекло. А мы черти. Знай, покуда у тебя лапки в крови, счастья тебе не видать. Да и потом, как отмоешься... Кошмары мучать будут. Или с ума сойдёшь. Вот мне семнадцать. А я уже всё в этой жизни видел. Ты видел почти всё. Нужно нам это. Тебе, мне, ребятам. Поверь, лучше чем дурь по вене пускать. Лучше чем эмблемки и магнитолы с тачек свинчивать. Наш бой! Наши улицы! Наш дом! И никому, слышишь, Дир! Никому ЭТОГО у нас не отнять, ЭТОГО из нас не выбить. Ты всё ещё веришь в мою мечту?

- Я... Прости, Скорп... Я верю в твою... в нашу мечту.
– Вот и славно! – сказал Скорп, и, наконец, прервал это жестокое рукопожатие.

Прошли годы. Как водится, не все щенки становятся псами. И их не минула чаша сия. Чердак сгинул где-то в кабацкой драке, наравшись на перо. Скорп истёк кровью после очередной потасовки. Только Дирижёр часто приходил по осени к трубам ТЭЦ. Брал с собой чекушку водки. И выливал на сырую, холодную землю, в дань памяти по погибшим друзьям, которые даже до восемнадцати не дожили. Их мечта не сбылась. На районе так и остались толпы мрази.

Но они старались всё равно. Из последних сил старались. Иногда Дир брал с собой пару старых, ещё с тех времён, друганов, немногих уцелевших, и бродил по улицам, где власть уже поставила фонари... По улицам ныне светлым, но всё таким же опасным. Дир был вожакom остатков стаи. Он боялся. Он вообще много и часто боялся. Постоянно боялся за друзей и близких. В этом и была его сила.

И не соврал тогда Скорп... Дира мучали кошмары. Он видел свои руки, испачканные кровью. Часто. Очень часто. И нередко Дир видел тени ушедших друзей в случайных прохожих. Дир слушал. Он не хотел даже мысли допустить, что больше не в силах слышать Город. Дир слушал. Он знал. Город однажды позовёт снова. Как тогда. Так же громко. И всё повторится. А когда настанет его, Дира, время покинуть эти земли навсегда... Найдутся другие дети. Новые игрушки в холодных руках Города...